

АКТУАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Есть в Москве театр, в котором сущность столичной театральной жизни выражена, пожалуй, наиболее полно. Не в смысле достижений, а в смысле чисто российской неубустроенности.

Расположен он, казалось бы, идеально: старинный царский парк, здание, хоть и псевдо, но все-таки ампир, метро в двух шагах. Но эти два шага надо сделать по такой грязи и в такой кромешной тьме, что надо обладать сверхъестественной любовью к Театру (с большой буквы), чтобы претерпевать все это хотя бы с некоторой регулярностью. А парк, само собой, запущен, и до его превращения в "Булонский лес" нам, боюсь, не дожить.

Место, повторяю, красивое и потенциально крайне культурно перспективное. Но оно само по себе никого, по известной мудрости, автоматически не красит.

Но несколько лет назад у театра, который я буду просто называть "Царицынским", появился шанс: украсить место человеком.

Факт посадки на место Главного режиссера театра, Александра Каневского, не прошел незамеченным. А с собой он привел целый сонм "украшений" — своих учеников из мастерской мюзикла из Гнесинки. И пару развернутых на большую сцену спектаклей, которые заставили многих протаптывать дорожку в вышеупомянутых условиях.

В воздухе запахло озоном и перспективой появления в Москве нового интересного театра.

Ожидание, однако, затянулось. За это время (прошу заметить!) Каневский подготовил еще один класс и набрал следующий, который уже после полутора семестров заявил, что от предшественников отставать не собирается.

Тем временем как-то неожиданно случился

"Меж кресел по ногам" Мастер класса

юбилей. Александру Исааковичу Каневскому стукнуло пятьдесят. Возраст и положение превратили это в некоторое событие и мероприятие, имевшее место быть в Царицынском театре. Но меня они заставили не просто задавать праздные вопросы: *а что, да почему?* — а, плюнув на все, попытаться самому ответить на них.

И в свете юбилейной иллюминации кое-что прояснилось. Прежде всего так называемый "творческий путь" юриста Каневского начался на десять лет позже обычного (когда ему было уже 30), а потому насчитывает всего лишь два десятка лет, в середине которых расположилось событие, которое, на мой взгляд, многое объясняет в не совсем обычной траектории его движения среди театральных светил. А задно и некоторые особенности его нынешнего, скажем так, поведения.

Одиннадцать лет назад он пришел преподавать искусство мюзикла в Гнесинку. И сегодня ясно, что Каневский — театральный педагог милостию Божией. На юбилейном капустнике, где выступили его ученики всех выпусков, это можно было оценить и по достоинству и по существу.

Но капустник и даже юбилей меня мало волнуют. Мне Каневский настолько интересен, сделанное им в последние годы было настолько для меня значимым, что его будущие успехи мне просто важны и нужны, как факты сильных впечатлений в моей собственной будущей биографии. А потому я стараюсь понять, почему А.И. не торопится доставить их. При чем не мне одному.

Рискуя не сильно обрадовать юбиляра, я все же, истины ради, выскажу наблюдения

довольно-таки непривычные. Со стороны может показаться, что он по какой-то странной причине стал избегать завершения работы. Будь — то спектакль, многоплановый проект, или формирование собственного театра. Он сам, по моим наблюдениям, не отдает себе отчета в том, что с ним происходит. Но, может быть, потому, что у меня самого, хотя и в другом предмете, происходит нечто аналогичное, я, кажется, понял в чем дело.

Каневский прежде всего педагог, воспитатель, насадка. Но каждый, кто отмечен тем же, ломается в тот момент, когда его "цыплята" вырастают и становятся на крыло для того, чтобы дать деру. А это значит — прощай, вся радость родительская. Учителю обычно проще, он готовит учеников не для себя. Учителю же театральный попадает нередко в ловушку: как удерживать любимых, талантливых, выпестованных, обожающих. Можно создать с ними свой театр. Но Каневского, как это прорисовывается по фактам, все-таки больше интересует не театр, как спектакль, премьера, концепция, а как вечная репетиция.

Собственно говоря, и воспитание есть не что иное, как репетиция спектакля жизни. Но где та точка, когда надо остановиться и либо выдать аттестат зрелости, либо выпустить премьеру? Мне иногда кажется, что будь его воля, Каневский, набирая новый класс, своих прежних оставлял бы на постоянное переучение.

А потому его спектакли, его взаимоотношения с театром, с репертуаром странны до тех пор, пока не поймешь, что это модель поведения педагога на зачете: *так, ясно, это вы знаете, можете не продолжать, переходим к следующему вопросу, — это вы не усвоили, начнем заново...* И так до бесконечности. Это чем-то напоминает рассказ Бальзака "Неведомый шедевр", когда редакции и варианты картины слились на холсте в нечто, что стало устраивать публику только через сто лет после смерти великого французского реалиста.

При этом Каневский, как магнит. Он притягивает к себе таланты, которые хотят с ним работать, несмотря на все издержки характера. Это подлинно театральные композиторы Алексей Черный, Александр Чевский, Аркадий Серпер, оба Семеновых (Андрей и Виктор), это чудо-хореограф Марина Суворова, это его выросшие ученики, которых разбирают по академическим сценам.

Иногда говорят, что, мол, имярек такого сделал? Вон какая команда на него работала, вот у кого таланты. А кто догадался и смог их всех собрать именно в таком неповторимом и, главное, эффективном сочетании, кто "дал установку"?

И сейчас, когда театр не в лучшей форме, друзья и ученики Каневского, собравшись на юбилей, мечтали об одном и том же: о том, чтобы снова собраться вместе и бросить ради этого свои нынешние, гораздо более престижные, академические или просто раскрученные театры.

Между метро и театром неухоженная дорога. Здесь тоже дорожка между Мастером и его классом. И та и другая ведут в пока еще неухоженный, но все же царский парк.

Я могу, конечно, пожелать Каневскому многих лет жизни, удачных постановок, оригинальных режиссерских решений, хороших учеников (плохих он и не принимает), даже успеха театра, в котором он работает. Но я переформулирую это иначе: пусть театр, в котором он работает в штате, станет-таки Его театром, в котором мы все могли бы постоянно видеть настоящее чудо — его учеников в его спектаклях.

Но. Как учитель Каневский заслонила Каневского-режиссера. А потому я вспоминаю старую присказку: Врачу — исцелился сам!

Николай ЖУРАВЛЕВ

Экран и РЫБАК. -
1998. - апр. (№14). -